

РАЗДЕЛ V. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_120

А. В. Петров¹
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru

«ДЕРЖАВИНСКИЙ МИФ» И ОБРАЗ БОГИНИ ФОРТУНЫ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ-ФАНТАСМАГОРИИ «В МОСКВЕ НА МАСЛЕННОЙ» П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО²

В статье анализируется постромантическая новелла советского писателя П. Г. Антокольского об одном из эпизодов жизни Г. Р. Державина и о создании им оды-сатиры «На Счастье». «Биографический миф» о поэте Антокольский, согласно гипотезе автора статьи, строит, во-первых, на отталкивании от концепции В. Ф. Ходасевича в его книге «Державин»; во-вторых, опираясь на поэтику жанра романтической фантастической новеллы; в-третьих, суммируя свой многолетний опыт художественного и научного постижения Истории, ее законов, а также событий и личностей русского и европейского XVIII века. Своего рода символом этой эпохи становится в произведении богиня счастья латинской мифологии – Фортуна. В фантастическом сюжете новеллы она «соблазняет» Державина, явившись ему в облике прелестной цыганки, совершает с ним путешествие по миру и приводит в революционный Париж 1789 г., в дом французского драматурга Бомарше, где Державин вступает в конфронтацию с Емельяном Пугачевым. Три этих знаковых для XVIII столетия личности оказываются объединены, в концепции Антокольского, любовью к ним Фортуны. Они – авантюристы и плебеи,

---

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

«малые люди», благодаря Случаю и собственному характеру добившиеся предельно возможных вершин в своей жизни. В ходе анализа был также реконструирован «метатекст Фортуны» – наиболее показательные высказывания находящегося под судом Державина и его корреспондентов в переписке «московского» периода (ноябрь 1788 – июнь 1789 г.) о счастье и несчастье; о «пременах» в человеческих судьбах, об участии в этом Высших и земных сил; о карточной игре и о деньгах.

Ключевые слова: П. Г. Антокольский, Г. Р. Державин, ода «На Счастье», Фортуна, биографический миф, В. Ф. Ходасевич, жанр новеллы, фантастика

Введение

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) – известный советский поэт, переводчик, литературный критик – в последнее десятилетие своей жизни обратился к художественной прозе [17, 96]. В 1971 г. издательством «Советский писатель» был издан сборник/цикл его новелл и рассказов «Сказки времени»; в следующем году они вошли в 3-й том 4-томного собрания его сочинений. Героями их стали реально-исторические личности, жившие в России и Европе в XV–XIX вв., а также персонажи античной мифологии. В центре внимания Антокольского – судьбы и характеры писателей: Державина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Шекспира, Бомарше, Вийона. А еще – герои, созданные этими писателями. И те и другие могут свободно встречаться друг с другом и с самим автором в художественном времени и пространстве. Постмодернизм в 1971 году у советского писателя (ср.: [32])? Не знаю, но повод для размышлений есть.

Вот как сам Антокольский в концовке «Сказок времени» объяснил их название и свои писательские установки. «Время» он рассматривает как «главного героя», как «систему отчета» в сюжете произведений, себе же как автору присваивает право «утверждать свою власть над Временем» и свободно «перемещаться в нем» [4, 169]. Вторую половину упоминавшегося 3-го тома составили литературно-критические очерки и статьи о тех же самых писателях (Пушкине, Лермонтове, Гоголе и др.), которые стали героями «Сказок Времени»¹. Они и перекликаются друг с другом, подчеркивает Антокольский,

---

¹ Скорее всего, именно с заглавной буквы, следуя логике Антокольского, следует писать слово «Время» в названии сборника. В тексте 3-го тома это название везде набрано прописными буквами – «СКАЗКИ ВРЕМЕНИ», и потому определить авторское написание невозможно.

А. В. Петров

и спорят. Для себя самого он четко противопоставляет «науку» и «сказки» (= художественная литература): «Литературоведение – наука. Сказки противоположны науке. В них невозбранно действует, владычествует, хозяйничает воображение и вымысел. Фантастика утверждает свои законы. <...>» [4, 169]. Себя как автора «Сказок Времени» Антокольский противопоставляет представителям «научной фантастики», и само это выражение представляется ему «нелепым». Из всего этого можно сделать вывод, что даже в произведениях, внешне похожих на так называемые «романизированные биографии» (а к таковым и примыкают «Сказки Времени»), главное для него – «воображение и вымысел» [4, 169].

Постановка задач. Гипотезы

Могу предположить, что Антокольский в «Сказках Времени» предлагает альтернативу некоей жанровой традиции, а именно «научной биографии писателя» и/или «беллетризованной биографии писателя» (ср.: [32]). О герое интересующей меня новеллы «В Москве на масленой» – Гавриле Романовиче Державине – за сто лет изучения его биографии к началу 1970-х гг. было написано немало научных и научно-популярных книг: «Жизнь Державина» (1880) Я. К. Грота, «Державинъ» (1931) В. Ф. Ходасевича, «Державин» (1958) (серия «ЖЗЛ») А. В. Западова, «Гаврила Романович Державин» (1965) В. А. Западова, «Державин» (1967) И. З. Сермана и др. Все они основывались прежде всего на автобиографических «Записках» (1812) самого Державина [11], а работы XX в. – и на исследовании Я. К. Грота.

Следует упомянуть также о другой, наверное, более близкой Антокольскому традиции, собственно художественной, – о незаконченном романе Ю. О. Домбровского «Державин» (1937–1939). В нём повествуется о событиях 1773–1774 гг., об участии в них Державина и о только еще пробуждающемся у него интересе к поэзии. Определенные параллели между новеллой и романом, безусловно, есть, но требуют они отдельного кропотливого изучения. Связаны эти параллели, в частности, с тем, что на языке современного литературоведения описывается термином «биографический миф».

Укажу на то, что принципиально отличает «державинский миф», создаваемый Антокольским, и от «мифов» научных, и от того варианта «мифа» художественного, который выстраивался Домбровским. Определить это оригинальное, «антокольское», можно двумя словами самого писателя – «фантастика» и «сказка». Предлагаемая им версия биографии Державина, хотя и опирается на некоторые общеизвестные факты, взятые из «Записок» или у Я. К. Грота, крайне далека

от научности и документальности. Но не случайно Антокольский говорил, что герои «Сказок Времени» и его литературно-критических работ – одни и те же и что между ними есть «переключки». К тем околону научным или близким к таковым задачам, которые писатель ставит и решает в своих «сказках» (возможно, неявно и неосознанно для самого себя), и относится построение им «биографического мифа» – о поэте и «худородном дворянине» XVIII столетия Г. Р. Державине. Этот «миф» составляет весьма фантазмагорическое содержание новеллы «В Москве на масленой» [4, 26–41]. Как кажется, внимание исследователей она, как и весь цикл «сказок», не привлекала.

Основная часть ***Сюжет и композиция новеллы***

Название произведения – усеченный вариант автокомментария Державина к его оде-сатире «На Счастье»¹ (1789). «Писано на масленой, когда и сам автор был под хмельком» – этими словами новелла завершается [4, 41]. Находящиеся в «сильной» композиционной позиции – в концовке, они требуют комментария. Но сначала необходимо уяснить общие особенности сюжета и композиции новеллы.

Это именно новелла, а не рассказ, причем явно с романтическим прошлым, отсылающим, в частности, к Н. В. Гоголю (ср.: [8; 14]). Она невелика, динамична, двоemiрна, фантастична, с неожиданной развязкой. В новелле три части; они не нумерованы, а выделены увеличенным межабзацным интервалом и сменой темы и хронотопа. Повествование идет от 3-го лица, но с сохранением образа мышления героя, т. е. тяготеет к сказовому типу. Весь сюжет новеллы, по-видимому, полностью вымышлен, т. к. не находит опоры в достоверных биографических источниках, доступных Антокольскому, например, в «Записках» Державина и в его переписке «московского» периода (см.: [30, V, 727–762]).

Первая часть – вводная; автор представляет своего героя:

- его «нрав» (ключевой характеристикой являются известные строчки – самоопределение державинского автобиографического «я» из стихотворения «К самому себе»: «горяч и в правде черт!»);

---

¹ «На Счастье» – это «гибрид» оды и сатиры, или «забавная ода» (Л. В. Пумпянский). Начало этому жанру у Державина было положено «Фелицей». Я буду использовать оба жанровых обозначения как взаимозаменяемые, т. е. вполне условно. Сама державинская ода не является в данной статье предметом анализа и привлекается лишь для иллюстрации некоторых моих тезисов.

А. В. Петров

- ситуацию, в которой тот оказался зимой 1788–1789 гг. (отстранение от должности губернатора в Тамбове, вынужденное пребывание в Москве, равнодушие к его судьбе власть имущих);

- державинское понимание роли поэзии («поэзия российская <...> есть государственное дело», «я не токмо поэт, но и солдат» [4, 28–29]).

Характеристика Державина дается на конкретном социально-политическом и литературном фоне. Этим фоном является внезапная опала бывшего тамбовского губернатора, «великая смута во Французском королевстве» и досадливо-восхищенные размышления «бедного дворянина» и «малого человека» Державина о «подлом лакее, который переупрямил, переиграл в любовном соперничестве своего господина», – о Фигаро из пьесы Бомарше. Здесь, к концу первой части, впервые и появляется имя языческой богини – «возлюбленной Фортуны» – главной героини второй части новеллы: «Уж она-то была почитаема Державиным особо! Не таил он своего пристрастия к Фортуне, верил ей гораздо более, нежели православным святым и угодникам. Что греха таить, был он язычником <...> короче, язычник был полный, как, впрочем, иные многие в том просвещенном веке» [4, 29]. В характеристике этой, как мне представляется, Антокольскому важно было подчеркнуть именно равнодушие Державина к христианской вере. Почему – об этом ниже.

Вторая часть – фантастическая и даже фантазмагорическая, по замыслу напоминающая, например, «Призраков» И. С. Тургенева, а мотивом полёта вместе с демоническим существом – повести Гоголя. Во время масленицы Державин «как с цепи сорвался»: целую неделю предавался «кутежу с разными людьми», но несло его «сквозь это шумство», «приключения, низости и смрад» «невредимо», и «высокое парение духа не изменяло ему» [4, 31]. Сосуществование «низкого» и «высокого» – главные составляющие поэтического стиля Державина – было выражением его биографического «я», как бы говорит здесь автор. Гуляние на Новинском поле, пишет далее Антокольский, и было «настоящим его царством, особым, отрезанным намертво от губернаторств, коллегий, судилищ, опал и возвышений, вельможных искательств и ласкательств. Невсамделишняя, балаганная, карусельная, качельная держава Державина <...>» [4, 32]. Здесь-то в конце концов он и встретил «цыганочку» Фортуну и «последовал за нею, как мальчик». Начинается их фантастическое «странствие по свету», составившее потом сюжет оды «На Счастье»: видят они и Босфор, и Султанскую Порту, и Средиземное море, и Темзу, и «фабранные усищи берлинского короля Фрица» и оказываются наконец в революционном Париже. Фортуна ведет Державина в дом Бомарше; там два писателя

беседуют о проблемах классовых отношений, о творчестве, о судьбе и счастье. Затем к ним присоединяются «двое господ»: «петербургский давний враг» Державина – некий граф О. и, сначала не узнанный, но быстро опознанный, классовый его враг, да еще и мертвый, – Емельян Пугачев. Стали они играть в карты, и в результате взаимного шулерства и разгоревшегося конфликта граф О., которого Державин начал душить, растворился в воздухе, а с Пугачевым у поэта состоялся очень напряженный разговор, замешанный на классовой ненависти. Себе и врагу Пугачев обещает бессмертие, «вырастают они оба чуть ли не до облаков», и слышит Державин, «что летит над ихними головами богиня Фортуна, вертятся дивные колеса ее колымаги» [4, 39].

Третья часть – развязка и концовка начинается с того, что Державин ночью возвращается с Новинского на Пятницкую и начинает писать оду «На Счастье». Перед ним вьязе предстает её содержание, строки и целые строфы. Он засыпает, просыпается на следующий день в два часа пополудни, идет к столу с написанными ночью листочками и, «полный рвения и чувства своего предназначения», крупно выводит на заглавном листе будущей оды: «Писано на масляной, когда и сам автор был под хмельком» [4, 41].

Название новеллы. Художественное время

Сам Державин в своих «Объяснениях» подчеркивал игровой, выдуманный характер этого автокомментария – «что якобы писана на маслянице для забавы» (цит. по: [9, 576]), оставляя читателя в сомнении, действительно ли ода была сочинена на масленицу 1789 года и что ничего, кроме «забавы», в ней нет. Таким мистифицированием поэту, по-видимому, нужно было «поддержать» сам необычный для того времени жанр «забавной оды» с его идеями «премены», случайности счастья и т. п. Через несколько лет, в связи с теми же политическими событиями, потрясшими Европу, Державин сумеет отойти от одической многословности и выразит мысль о «судебных игрушках» в четырех строках историсофской сатирической эпитафии «На смерть собачки Милушки...» (1793) (см.: [24, 7]).

Для Антокольского время, когда происходят вымышленные им события, важно как минимум по двум причинам. Первая – та же, что у Державина, политическая, с аллюзией на саму оду «На Счастье» (см. выделенное курсивом): «Наступил 1789 год. Слухи о французских чрезвычайных обстоятельствах учащались и росли. Дело там было нешуточное. *Весь мир ходуном ходил, как полосатый шут.*¹ <...>

¹ Курсив здесь и далее в цитатах из новеллы Антокольского и из других произведений – мой.

А. В. Петров

Однако и Наказ <Екатерины II – А. П.>, и слухи разные являли глазам трезвых людей туман, недоверность, сказку» [4, 30].

Антокольский, как отмечают исследователи его творчества, на протяжении всей своей жизни отличался обостренным «чувством Истории»; ему, свидетелю нескольких революций и войн, в высшей степени свойственны были историзм мышления и тяготение к изображению переломных, катастрофических событий и выдающихся исторических личностей [15; 25]. И потому даже столь частный и отнюдь не красящий Державина поступок (не находящий к тому же документальных подтверждений) – то, что поэт «загулял» на масленицу, ставится в новелле в контекст событий всемирного масштаба.

Вторая причина – особый характер масленичной недели как некоего сакрального, точнее, бесовского времени, приписываемый ей в народном сознании: «Тут-то и наступила масляная неделя, сама по себе сказочная и недоверная» [4, 30]. Уже этнографы XIX века считали русскую масленицу наследницей и преемницей римских сатурналий и западноевропейских карнавалов [29, II, 115–116, 125], и следовательно, языческим праздником, который Церкви лишь немного удалось вписать в календарь праздников христианских. Масленица, в частности, предшествует Великому Посту. Как писал один из иностранцев о русской масленице, «в то самое время, когда бы всякой с сердечным раскаянием должен был готовиться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предают свою душу дьяволу. Во всю Масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так что ужасно слышать о том всякому христианину. <...>» (цит. по: [29, II, 118]).

В державинской оде этой теме посвящена, например, 7-я строфа («В те дни, когда везде в разгулье...»); сатурналии/карнавал явно описаны в ее концовке: «Науки, музы, боги – пьяны, / Все скачут, пляшут и поют» [9, 139]). В «Объяснениях» Державин ссылается на время «масляницы, когда всякие терпимы бывают народные забавы; то под сим предлогом изображаются разные народные проказы, роскошные пиршества, игры и проч.» (цит. по: [9, 576]). В новелле Антокольского образ масленицы предстает в ярких картинах и несообразностях. Посредством «фантастики и вымысла» писатель создает образ времени – главного героя всего своего цикла «сказок». Оно начинает терять свои привычные очертания – то сжимается, то забегает вперед, то исчезает совсем, обретая в конце концов облик сказочно-мифологического божества (ср.: [12]).

Так, Державин выезжает из Тамбова в Москву в ноябре 1788 г. и прибывает туда в рождественский пост. Сначала время ничем не заполнено: «Ползли пустые недели, наступил и Новый год» [4, 27]. Державин подолгу проводит время в приемных у сановников, иногда его допускают к их столу, но единственный, кто проявляет интерес к опальному губернатору-поэту, это другой поэт («изрядный»), директор Московского университета Михайла Матвейч Херасков. «А время между тем шло и шло, – отмечает автор и в сказовой манере добавляет: – Ох уж это необгонимое, неведомой протяженности божество, небось оно языческое, равно как и другая богиня, сударыня Фортуна на двухколесной своей одноколке» [4, 29]. И далее идет цитируемая уже характеристика Державина-«язычника». После наступления нового 1789 года в сюжете новеллы как-то сразу, без паузы (в тексте – через 12 строк) наступает масляная неделя, «сказочная и недостоверная», хотя до ее начала в реальном времени пройти должно было минимум полтора месяца, тем более что Антокольский указывает, что события происходят в марте¹. Когда же Державин с субботы, т. е. в день поминовения усопших, «загулял» и встретил в «злосчастный вечер на Каменном мосту» своего старинного приятеля с пугачевских времен поручика Реброва, «тут и показала себя несообразная природа масляной» [4, 31]. В «грязном трактире», где приятели заказали водку, блины и закуску, «запел отставной поручик песню, которую еще предстояло сочинить Державину чрез пятнадцать лет» [4, 31]. Поют они «Заздравного орла», застольную песню, которую Державин напишет в 1791 году, а опубликует действительно через 15 лет в «Анакреонтических песнях» (1804).

Итак, названием новеллы Антокольский, по моему мнению, подчеркивает недостоверность, с точки зрения ученого биографа и литературоведа, описываемых им событий, или, другими словами, свое право на художественный вымысел. И здесь, гипотетически, он заочно спорит с создателем другого «державинского мифа», и тоже поэтом, – В. Ф. Ходасевичем.

Антокольский и Ходасевич: к постановке проблемы

Моя гипотеза о том, что объектом скрытой полемики Антокольского был именно писатель-эмигрант, а не, например, его

---

¹ Из письма свойственника Державина, А. А. Жохова, от 17 февраля мы узнаем, что масленица в 1789 г. пришлась на середину этого месяца: «Как ныне масляница, то разрезают с приближенными всюду, ищут блинов и везде насыщаются брюхом и дланями» [30, V, 750].

А. В. Петров

современники и земляки-петербуржцы А. В. Западов, или В. А. Западов, или И. З. Серман, основывается на следующих наблюдениях.

Свою книгу «Державинъ» Ходасевич предварил небольшим вступлением, в котором отразил представления о труде биографа, прямо противоположные тем, что изложит через 40 лет в «Сказках Времени» Антокольский. Ср.: «<...> *Биограф – не романист. Ему дано изъяснять и освещать, но отнюдь не выдумывать*. Изображая жизнь Державина и его творчество (поскольку оно связано с жизнью), мы во всем, что касается событий и обстановки, остаемся в точности верны сведениям, почерпнутым и у Грота, и из многих иных источников. Мы, однако, не делаем сносок, так как иначе пришлось бы их делать едва ли не к каждой строке. <...> Диалог, порою вводимый в повествование, всегда воспроизводит слова, произнесенные в действительности, и в том самом виде, как они были записаны Державиным или его современником» [31, 121]. Строго говоря, описанный Ходасевичем «биографический метод» был разработан ещё до революции Д. С. Мережковским в его историософских трилогиях, публицистике и литературной критике (см.: [10; 18]) и блистательно развит им в эмиграции; этим же методом будут пользоваться упомянутые выше ленинградские ученые, но первенство в державиноведении принадлежит именно Ходасевичу.

Однако вопреки «научным» установкам самого Ходасевича его биографика устойчиво и законно рассматривается литературоведами в работах *по истории литературы* русского Зарубежья. Надо заметить, что современные исследователи книги «Державинъ» склонны считать ее «художественной биографией» [33, 6], т. е. гибридом, рожденным на стыке научного и художественного дискурсов. Последний являет себя, например, в «реконструкции» Ходасевичем «романа престарелого поэта и молодой красавицы» (Н. А. Колтовской) на основе его «собственного биографического прочтения анакреонтических стихотворений Державина» [33, 26]. В. А. Черкасов пишет также о «системе персонажей» [33, 26] книги Ходасевича, об использовании им всевозможных «кодов» («грибоедовского», «донкихотовского» и др.) при построении образа Державина, т. е. о частичной фикциональности этого произведения.

Более определенно об этом говорит М. А. Горелова: «Приобретая черты литературных персонажей, фигура Державина укрупняется, вырастает не просто в цельную, но загадочную, масштабную личность, явление русской культуры» [7, 18]. Исследовательница обнаруживает в «биографической книге» Ходасевича «исповедальную линию»,

целый «сюжет Поэта», «построенный по законам агиографического жанра» [7, 7, 19–20].

Наконец, В. И. Шубинский, автор недавней биографии Ходасевича в серии «ЖЗЛ», относит книгу «Державинъ» к «невывымышленной прозе, non-fiction» [34, 448]; показательно его предположение о том, что подсознательно, и в плане стилистическом, и видя в Державине «дожившего до старости» Петрушу Гринева, Ходасевич ориентировался на «Капитанскую дочку» [34, 449, 451].

Разумеется, Антокольский не изучал творчество Ходасевича в этом ракурсе, но он легко мог почувствовать, что писал «Державина» и прочие историко- и мемуарно-биографические труды о русских писателях другой русский писатель, точнее даже, поэт. И своего «Державина», т. е. новеллу о поэте, Антокольский будет создавать именно как поэт, не ограничивая себя квазинаучными рамками «литературной биографии» и справедливо полагая, что многим читателям интереснее будет читать именно *выдуманные* разговоры Державина с Пугачевым или Фортуной, нежели очередной пересказ всем известных биографических источников. Доказательство этого тезиса я оставлю для другой статьи, сейчас же перейду к следующей параллели между произведениями двух современников.

Последняя «часть» новеллы построена по схеме, отсылающей к тому эпизоду в книге Ходасевича, где он описывает, вполне художественно перелагая «Объяснения» Державина, как тот сочинял оду «Бог» (см.: [9, 553])¹. По моей гипотезе, Антокольский полемически отталкивается от этого эпизода, а биографический миф Державина, созданный Ходасевичем, служит одним из источников его, Антокольского, «державинского мифа». То, что я назвал «схемой», связано с хронотопом, темой и персонажным составом эпизодов.

Так, в обоих случаях появляется жена Державина, Катерина Яковлевна; но для того чтобы написать метафизическую оду «Бог», поэт, сердце которого «хотело уединения», убегает от неё под выдуманным предлогом [31, 227; 9, 553], а для написания философско-политической сатиры «На Счастье» он окунается в самую гущу народной жизни, вернувшись же ночью домой, на Пятницкое подворье, сначала набрасывает оду начерно, а закончив, «тихонько раздевается» и «ложится около жены» [4, 41]. Судя по державинским «Запискам» и переписке, всё время его пребывания в Москве Катерины Яковлевны рядом с ним не было; она находилась в селе Зубриловке, болела в ноябре и декабре 1788 г., а в конце февраля 1789 г.

---

¹ Параллель к этому эпизоду есть и в романе Ю. О. Домбровского.

А. В. Петров

приехала в Петербург. Итак, явный вымысел этот Антокольского не смущает, ему именно надо было соединить быт и поэзию, уравнять «низкое» и «высокое».

«Оба» Державина пишут ночью, а заканчивают утром, и оба автора описывают процесс творческого вдохновения общего для них героя и невероятное счастье, испытываемое им. Только Державин Ходасевича охвачен «упоением величайшей гордостью и сладчайшим смирением <...> невыразимым счастьем пребывания в Боге», плачет «от благодарности и любви к Богу» [31, 229]; тогда как Державин Антокольского хочет «вложить в свои строфы <...> заряд неисчерпанной веселости, которую вдохнула в него милая цыганка», «усмехается», когда «пошло наконец» под его пером «настоящее, державинское». Герой новеллы понимает, что утром «с блаженной легкостью допишет остальное», «бегло и весело» пройдет «насчет самого себя», попросит Фортуны: «погладь и потрепли» [4, 40]; в книге Ходасевича описано экстатическое состояние одического поэта – «парение», «изумление», «упоение», забирающее все силы.

Что интересно, Я. К. Грот, на которого с таким пиететом ссылается в преамбуле к «Державину» Ходасевич, отмечает, что поэт в тех обстоятельствах «естественно влекло к духовной поэзии», но «самым замечательным произведением Державина за время его пребывания в Москве» считает оду «На Счастье». Державинский талант, пишет он, явился в ней «опять во всем блеске самобытной силы»; именно здесь содержатся «самые удачные, когда-либо написанные Державиным» строфы [30, VIII, 576–577]. Но если Я. К. Грот заслуженно уделяет этой оде целую страницу своего исследования, то Ходасевич не говорит о ней ни слова¹ – потому, как мне представляется, что ни содержание ее, ни слог, ни пафос не вписываются в тот житийный, «монументальный» (В. И. Шубинский) облик Державина-пророка, который он стремится создать в своей книге. Могу предположить, что против этой сакрализации и христианизации образа поэта, в частности, и выступил Антокольский в своем произведении о Державине. Последний у него легко, «как мальчик», поддается, подобно гоголевскому Хоме Бруту, чарам демонического персонажа в женском обличье (ср.: [8; 13; 14]).

Именно образ богини Фортуны я считаю центральным (наряду с образом Державина) в новелле Антокольского. Он и составляет ядро создаваемого писателем «державинского мифа». Анализ первого во многом и будет анализом второго.

---

¹ Ода же эта примечательна одним тем, что комментарии к ней, данные Державиным, являются самыми обширными в его «Объяснениях».

И у Ходасевича, и у Антокольского были веские основания для выстраивания каждым своего «биографического мифа»: монументально-эпического, профетического – в первом случае; социально-бытового, сказочного – во втором. Остановлюсь на «версии» Антокольского; в основании его «державинского мифа» лежит целостный исторический контекст, в котором весьма условно можно выделить сферы биографическую, культурную и литературную.

**«Метатекст Фортуны» в переписке Державина.
«Беатус брат мой...»**

Данный контекст обнаруживается, в частности, в переписке Державина «московского» периода: с ноября 1788 г. по июнь 1789-го. Корпус этих писем, опубликованных Я. К. Гротом в 5-м томе сочинений Державина, составляет 47 единиц (№№ 627–673) [30, V, 717–761]. Своей задачей я ставил реконструировать «метатекст Фортуны» – найти наиболее показательные высказывания отрешенного от должности Державина и его корреспондентов, где содержатся размышления о несчастье, обрушившемся на него, о «пременах» в человеческих судьбах; пожелания ему счастья и удачи; суждения об участии в этом Высших и вполне земных сил, а также упоминания о карточной игре и о денежных делах и долгах. Самые значимые и знаковые слова и фразы в цитатах будут выделены курсивом. И в новелле Антокольского, и в оде «На Счастье», и в «объяснениях» на нее им легко находятся параллели и соответствия – образы, мотивы, сцены, примеры.

Итак, 30 октября 1788 г. хороший знакомый Державина О. П. Козодавлев – писатель, просветитель, академик – высказывает глубокое сожаление по поводу «дурного положения» нынешних державинских «дел», пеняет ему, что тот не во всем следовал «должному благоразумию», и высказывает надежду, что *«Бог, видя ваше сердце, исторгнет вас конечно из бездны беспокойствий»*. Примечательна также ремарка о жене Державина: «О Катерине Яковлевне я сожалею от всей души и предчувствовал, что она *занеможет от своей чувствительности и воображения*» [30, V, 717].

7 ноября Державин в письме к приятелю А. И. Васильеву объясняет свое долгое молчание «небезызвестными хлопотами»; в связи с поведением некоего г. Осипова говорит, что тот «*везде ищет занимать денег большими количествами*»; обсуждает поведение своего шурина, который якобы, «*выиграв у него в карты более ста рублей, не захотел продолжать игры*» [30, V, 718].

4 декабря придворный банкир барон Р. Сутерланд напоминает Державину о том, что «30-го минувшего октября минув срок вашему

А. В. Петров

векселю в 2 000 р.», и предупреждает, что если к новому году *«деньги с интересами»* не будут ему переведены, то он «за неплатежем» опротестует державинский вексель [30, V, 718]. 8 января 1789 г. барон, получив от Державина 23 декабря только 1 000 руб. «без процентов», выражает свое неудовольствие, просит «немедленно мне все деньги и с процентами на срок переслать», в противном случае угрожает вексель «протестовать» [30, V, 731].

11 декабря Державин в длинном письме жалуется бывшему своему сослуживцу А. И. Терскому на то, что из-за тамбовского генерал-губернатора и сенатских решений все узнали о его *«несчастии»*¹, и это оттолкнуло от него «самых близких людей» и некогда преданных подчиненных. Себя Державин явно, а быть может невольно, изображает страстотерпцем: «я <...> как чрезвычайно угнетенный человек <...>. Теперь же так: когда меня в Петербург для объяснения не отпускают, то *власть моего Бога*. Я помню Его словеса, которые мимо нейдут: “Претерпевый до конца, той спасен будет”» [30, V, 720]; «<...> до того *загнан и презрен*, что весь город до последнего офицера приглашается в дом генерал-губернатора на *обеда, на маскарады и на балы*, бываемые при случае выборов; но я и Катерина Яковлевна ни в какое публичное собрание не призываемся <...> вот какая творит *чудеса*. <...> Иногда не безужно *иметь и врагов*, чтобы лучше не сбиваться с пути законов» [30, V, 724]. Ту же тему Державин продолжает в просительном письме к князю Потемкину от 14 января 1789 г., где называет себя *«вечно несчастливый»* и находящимся в *«бездне злоклучения»* [30, V, 732].

А. И. Терской в кратком ответном письме от 18 декабря дружески советует Державину «все забыть» и терпеть, «сколько можно». Затем поздравляет его «с наступающим праздником и новым годом» и желает, «чтоб старое в старом так, как ныне, и осталось, а новый *с удовольствием* начав окончить» [30, V, 727].

Политические события в стране идут своим чередом, и в тот же день, 18 декабря 1788 г., М. Титов, моршанский знакомый Державина, поздравляет его со взятием русскими войсками под командованием князя Г. А. Потемкина-Таврического города Очакова. Многим, говорит он, посланы туда *«монаршаго благоволения милости»* [30, V, 725].

18 декабря Державин получает и третье письмо – от одного из ближайших своих друзей – Н. А. Львова. Тот тоже уведомляет его о взятии турецкой крепости, советует «на Очаков-то» написать что-

---

¹ «Несчастлием» называют положение Державина в январе 1789 г. его корреспонденты Д. Свистунов и М. Савинский.

нибудь «без имени» и желает Катерине Яковлевне и Державину «при новом годе *лучшаго счастья*».

Beatus ille qui procul negotiis ... Horat» [30, V, 727].

Процитированное Львовым начало II Эпода Горация – не случайная цитата; по сути, это одна из «кодовых» максим эпохи и, в более узком смысле, часть поэтического узуса XVIII столетия. Историю этой формулы («Блажен, кто...») подробно исследовала Т. Е. Абрамзон; ученый справедливо считает ее знаком «дискурса счастья» – поисков европейскими просветителями «земного счастья» и способов его достижения [1, 370]. На тот момент сам Державин использовал данную формулу как минимум два раза – в «Невесте» (1778) и «Видении Мурзы» (1884). В оде «На счастье» он не без иронии русифицирует ее в 21-й строфе: «Беатус брат мой...» – и прокомментирует в «Объяснениях». В 1790-е гг., после успешного разрешения тамбовского казуса, число стихотворений с «беатусом» у него возрастет в несколько раз – в основном поэт включает его в комплиментарные стихи, адресованные вельможам «в случае» и друзьям. В поисках собственного «идиллического счастья» (Т. Е. Абрамзон) в эти годы Державин обходится без этой формулы (ср.: [22]), а в программной оде «На Счастье» его представления о Фортуне, несмотря на присутствие «беатуса», – отнюдь не горацианские (см.: [2, 7–8; 3]).

Примечательный пример употребления формулы «блажен, кто...» находим в письме (от 10 мая 1789 г.) еще одного друга Державина, тоже поэта, – В. В. Капниста. Сохранив горацианские корни, она обнаружила у него и второй, древнейший источник своего происхождения – Псалтирь (см.: [1, 370–371]): «<...> Вы знаете, любезнейший друг, что скорби, наносимыя нам миром, суть тщета, равно как и удовольствия и прелести. Скорбы (sic) же, Богом посылаемыя на нас, благи нам по многому по слову: *блажен, его же аще накажеша, Господи!* В сих мыслях, любезнейший друг, принимайте (sic) судьбу вашу и не преклоняйтесь на роптанье противу воли Всевишняго лишним скорбением. <...>» [30, V, 758]. Через несколько лет Капнист напишет свою оду «На счастье» (см.: [28]).

В «московской» переписке обнаруживаем также пример бытового горацианства. В письме от 22 января 1789 г. упоминавшийся А. И. Терской, сожалея, что предыдущее письмо его огорчило Державина, вопрошает: «но что делать?» и здесь же отвечает: «мы сотворены на то, что преходя поприще жизни нашей, должно встречаться нам *хорошее и худое*; надо все сносить *с терпением*; *довольно счастливы мы тем, когда совесть нас не тревожит*,

А. В. Петров

а питание надежды покоит; так и слава Богу <...> [30, V, 738]. Выделенные курсивом слова – типичные «общие места» горацянства, которые легко можно обнаружить в стихах Державина, например в 4-й строфе оды «На Новый год» («Мое желание: предаться» etc.).

В цитированных письмах Терского (от 18 декабря) и Львова обнаруживает себя еще один источник представлений Державина и его современников о счастье – праздник новолетия с его «мифологией» (см.: [19; 20; 21]). Терской, напомню, формулирует это представление в расхожей фразе *«чтоб старое в старом так, как ныне, и осталось, а новый с удовольствием начав окончить»*; Львов в своих благопожеланиях более краток – «при новом годе *лучшаго счастья*». Восемь лет назад в той самой энически-горацянской оде «На Новый год» (1781) Державин уже декларировал свои взгляды на счастье (см.: [19, 136–137]). Новые жизненные обстоятельства державинскую «идиллию» существенно скорректировали.

Далее, 21 декабря Львов извещает друга о внезапном ухудшении его дел в Сенате, удивляясь тому, *«каким странным оборотом в два дни дела такой вид взяли»* [30, V, 728]. И в этот же день от петербургского вице-губернатора П. И. Новосильцова Державин получает письмо, начало которого является своего рода прозаическим конспектом основных идей будущей оды «На Счастье»: *«М. г. мой, Г. Р. Непостоянство счастья, играющего нашею участью, изменяя в надежде, которую имели мы из продолжения по данному об вас от Сената докладу, наконец, к сердечному соболезнованию моему, определяет вам явиться в 6-й департамент для отчету в принесенных жалобах от генерала губернатора <...>. Я не в состоянии изъяснить безмерного оскорбления, которое причиняет сия неожиданная превратность мне и другим, вас любящим. Но что делать, когда все в свете подвержено переменам и когда истина почасту представляется в ложном виде?»* [30, V, 728].

Поистине достойным самой Фортуны с ее «оборотами счастья» [16, 24] завершением «московского» периода в судьбе Державина является письмо его свойственника Н. Свечина. Написано оно в Тамбове 24 июня 1789 г., когда поэт был уже оправдан. С этим «радостным случаем» семья Свечина и поздравляет Державина и Катерину Яковлевну. Причем радость эта была тем «несравненное», насколько «велика была печаль», ибо в начале июня «пронесшийся слух <...> о кончине вашей столь нас поразил, что не можем изъяснить онаго» [30, V, 761].

Не удивительно, в общем, что Антокольский поставил именно богино Фортуну в центр свой новеллы о злочлочениях и приключениях столь часто поминавшего ее поэта.

***Образ Фортуны/Счастья как ядро «державинского мифа»
в новелле Антокольского***

Фортуна, или Счастье, – привычный в эмблематике XVIII – начала XIX в. образ (см. об этом: [2; 3; 5; 27]). Изображалась в виде женщины, «иногда стоящую на шаре или колесе, иногда сидящую на колесе, иногда с открытыми, иногда с завязанными очами, с крыльями у обеих ног и с покрывалом, от ветра развеваемым; иногда держащую в рука руль или кормило, ибо язычники верили, что счастье всем управляет. Иногда правую рукою опирается на колесо, означающее ее непостоянство, а в левой держит рог изобилия, поелику слепо рассыпает свои богатства. Иногда возле нее стоит конь, коего она держит за узду, или крылатый купидон, а над главою ее солнце и полумесяц» [35, 34–35]. В другом разделе цитируемого знаменитого словаря Максимовича-Амбодика Фортуна, «Богиня счастья и случаев», описывается как «лысая, с завязанными очами и крыльями у ног, из коих одна стоит на коловратном колесе, а другая на воздухе» [35, 42]. Колесо же «почитається знаком фортуны, счастья, случая. <...> У ног фортуны изображенное означает ее непостоянство» [35, 56].

У Антокольского подчеркнуты языческое происхождение богини и главное ее качество – непостоянство; задействованы важнейшие её атрибуты – рог изобилия и колесо; последнее преобразуется писателем в «двухколесную одноколку» – средство передвижения Фортуны. Используется автором и устойчивая связь Счастья с Любовью (ср.: «крылатый купидон» и многочисленные эмблемы на эту тему в словаре Максимовича-Амбодика).

Прослежу все появления этого персонажа в новелле – «сюжет встречи Державина с Фортуной» и прокомментирую идеологическое его наполнение у Антокольского.

Впервые Фортуна появляется в начале мытарств Державина в декабре 1788 г. в непосредственной связи с темой и образом времени: «А время между тем шло и шло. Ох уж это необгонимое, неведомой протяженности божество, небось оно языческое, равно как и другая богиня, сударыня Фортуна на двухколесной своей одноколке <...> [4, 29]. Как уже отмечалось, Антокольский прямо называет здесь Державина «язычником», мотивируя это и татарским его происхождением, и чтением язычника Горация, и знакомством

с азартом и шулерствами карточной игры, и даже некими «не совсем благопристойными проделками».

Появившиеся затем политический и литературный контексты – «смуга» во Франции и рассказ очевидца о «представлении в Версале комедии господина Бомарше “Безумный день, или Женитьба Фигаро”» вновь обращают к образу Фортуны. Державин чувствует трепет и восхищение: «Было отчего задуматься крепко – не то в досаде на себя, не то и в надежде. Вот она, возлюбленная Фортуна в настоящем своем виде! *Вот какие приключения бывают с такими, как он сам, малыми людьми на жизненном поприще. Только не оплошай, держись, Державин, выше голову, Гаврила Романыч! Фортуна еще скажет тебе заветное свое слово!*» [4, 29–30].

Итак, Державин соотносит свою жизнь, свое возможное возвышение с революционными событиями в европейском обществе и с неожиданными «оборотами счастья» в судьбах современников и литературных героев, он верит в свою удачу и в самого себя. Мечты свои поэт поверяет жене, а счастье мыслит вполне в духе времени и своего сословия – как владение многими тысячами рабов и успех при дворе: «Душенька, – говорил он, – мы с тобою не токмо счастье найдем, не токмо еще новые тысячи душ рабов заведем, но и ко двору нашей благодетельницы Фелицы званы будем наравне с великой знатью, наравне со всей этой питерской сволочью, тудить ее растуды!» [4, 30]. Здесь также проявляет себя презрение и зависть Державина по отношению к новой знати и фаворитам.

Загуляв с поручиком Ребровым и запев «Заздравного орла», герой встречается с первым испытанием и проверкой. На его призыв к «женским красотам» появляется ложная Фортуна – «девка сильно во хмелю», которая «в доказательство того, что женски прелести ей присущи, повернулась задом и закричала непристойные слова». Ребров стукнул девку костью, а Державин прогнал словами-заклинанием: «Выйди вон, непотребная!» [4, 31]. «Непотребный» – это не только ‘неприличный’, но и ‘такой, в котором нет никакой надобности’. Самозванка «исчезает». Этот мотив – *исчезновения* – будет сопутствовать в новелле всем представителям иного мира, служить как бы их опознавательным знаком.

Проходит Державин и следующее испытание – остается «невредимым» во время недели кутежа «с разными людьми, нечаянных встреч, приключений, низости и смрада», сохраняет «высокое парение духа»: «Погрязая в разгуле по горло, пребывал в бодром духе, только глаза его разгорались пуще и пуще, только грудь распирало от выдыхания легкого мартовского морозца» [4, 31].

И вот он, «с великим опозданием», попадает наконец на свое «заколдованное место», на свою «Сорочинскую ярмарку» – Новинское поле, *«настоящее его царство, особое, отрезанное намертво от губернаторств, коллегий, судилищ, опал и возвышений, вельможных искательств и ласкательств. Невсамделишная, балаганная, карусельная, качельная держава Державина за тридцать земель от Москвы, а ежели и в Москве, то повеликодержавнее самого Санкт-Петербурга»* [4, 32]. Итак, Державин оказывается в некоем необычном, волшебном, сказочном месте. Теперь ему нужно найти «проводника» в иномирье и заключить «сделку» с ним (типологическую параллель можно найти, например, в «Ночи перед Рождеством» Гоголя).

То, что место действительно то самое, «заколдованное», подтверждает *фигура «хозяйки»* этого места – «богиня места». Скорее всего, это Масленица, но Державину видится Фортуна с ее атрибутом – «золотым рогом изобилия»: «Перво-наперво кинулась ему в глаза огромнейшая, в три сажени ростом, ярко малеванная на холсте фигура богини Фортуны, *сыплющей из золотого рога изобилия счастье своим смертным избранныкам*. И само явление этой фигуры было для Гаврилы Романыча как бы *предвестием близкой удачи»* [4, 32].

Подобно гоголевскому Вакуле, пришедшему к пузатому Пацюку, герой Антокольского хочет узнать свою судьбу; но, как и у романтических героев и героинь Жуковского, Пушкина или Марлинского, это гадание «на любовь». Знаком Державину служит вывеска: «Девица Жеанна Рефюжье подданная французского короля Людовика дворянка предсказывает будущее». За «вход» в «иной мир» он платит серебряный рубль; и хотя предсказание гадалки показалось поэту «диким», но почти всё оно сбылось: «Асмодей злопыхает на пути вашем знатном. Через козни его познакомитесь нынче вы с *красавицей червонной*, отсюда дорога в далекие земли на запад. Вернетесь или нет оттелева, оного знать не могу, однако, по чести сказать, и сдохнуть недолго вам» [4, 32].

Асмодей в библейской мифологии считался главой демонов, с ним связывались гнев, похоть и разрушение браков [6, 111; 26, 254]. И гнев, и похоть в этот день Державина не отпускают. Ему сразу, например, захотелось «шандарахнуть зловредную старушку за дикое предсказание», но чудеса уже начались: он «<...> рукой двинуть не в силах. Вгляделся, а у предсказательницы головка-то кошачья, черная с белыми усищами, мяучит она «мяу-мяу» и *сгнула в прорве времен»* [4, 33].

А затем и сама Фортуна явилась перед ним, идущим «среди рвани скоморошьей», и оскорбительно спросила: «Куда прешь, самозванный князь, сирота казанский, не разбираешь дороги?» Стерпел

А. В. Петров

Державин такое обращение, а Фортуна стала сыпать «на него из рога своего золотого всякую дрянь, рваные клочки бумажные. Развернул один клочок, а на нем написано вкось и криво: “Жди меня, я рядом”». Обернулся Гаврила Романыч – а перед ним «цыганочка, собою миловидна до чрезвычайности, – сложена краше всякой богини, несмотря на зимнее время, в одной пестрой широкой юбке с воланами, в тонкой рубашке, сквозь которую просвечивают смуглые, острые девичьи груди <...>». На его вопрос «кто ты, красотка?» «пролепетала» она «прелестно»: «Я Фортуна твоя» [4, 33]. И далее разворачивается сцена соблазнения героя женской прелестью и красотой, напоминающая и гоголевского «Вия», и многие другие подобные сцены в литературе романтизма (ср.: [8; 13; 14]). Державин терять волю и следует по приказу цыганки за ней, «как мальчик».

Проверив его еще раз на бесстрашие и верность, цыганка из некоего неземного пространства шагнула прямо на ночную парижскую улицу и привела Державина к дому Бомарше. Это было последнее испытание поэта, во время которого, по словам девицы Рефюжье, ему и «сдохнуть недолго» было. После этого Фортуна оставит поэта, напомнив о себе в его разговоре с Бомарше о счастье («Счастье, – отвечал русский поэт, – далеко, за семью замками. Мне до счастья как до звезды небесной») и в монологе французского драматурга о своей жизни («Не следует тревожиться о счастье! Скажу вам про себя, – я неудачник, да, неудачник трижды и семижды. И, видно, обречен до самой смерти быть таковым! Фортуна! Жребий! Рок! <...> Нет, сударь, невозможно перечислить мои невзгоды, взлеты и провалы! <...>») [4, 36–37]. В определенном смысле Бомарше выполняет функцию сказочного «дарителя», только дарит он не волшебную вещь, а уверенность в его, Державина, предназначении.

Последовавший затем страшный разговор «вашего благородия» и его антагониста-мертвеца, главного представителя инобытия – «раба», самозванного Петра III (Пугачева) – закончился «ничьей» – их противостоянием в Вечности: «<...> выросли они оба чуть ли не до облаков и как будто стоят друг против друга, отлитые в бронзе. А вокруг тьма и стужа такая, какой на земле никогда и не бывает». Над ними, как бы соединив в Истории судьбы авантюриста и поэта, двух классовых врагов, летит «богиня Фортуна, вертятся дивные колеса ее колымаги» [4, 39].

Последний раз увидел Державин Фортуну, вернувшись на Пятницкую и выведя на листе «крупным уставным почерком заглавные буквы:

НА СЧАСТИЕ

За ледяным окном на мгновение почудилось ему личико цыганки Фортуны. Блеснула она другу белыми зубами и *расплылась* в мартовской ночи. *Исчезла* цыганочка навсегда» [4, 39].

И далее поэт Державин «заключает в строфы» ту «пеструю и богатую» картину, тот «заряд неисчерпанной веселости», полученный от «милой цыганки», которые «крепко засели в его голове». Закончить оду он намеревается тем, что «обратится к богине мирского счастья-благополучия, к цыганочке Фортуне. Замолив он ей словечко о неустроенной своей участи. Скажет ей: погладь и потрепли, коли он вправду так любезен ей, как могло казаться на масляной» [4, 40].

Заключение

Судя по всему, Антокольский выразил в новелле общее свое представление о XVIII веке (ср.: Время как герой цикла «сказок»¹), причем на примере не только одного эпизода из жизни Державина, но и знаковых для этого столетия мифологических и литературных персонажей, а также судеб реально-исторических личностей, ставших символами эпохи (ср.: [23]). По воле автора постромантической новеллы Фортуна сводит в одном пространстве трех людей, живших в одном историческом времени: Державина, Пугачева и Бомарше. Взлеты и падения, удачи и неудачи и в конце концов известность и слава, «отлитая в бронзе», – вот что объединяет здесь поэта-«солдата», казака, ставшего императором, и сделавшего поразительную карьеру французского разночинца. Все они – авантюристы и плебеи, благодаря Случаю и собственному характеру добившиеся предельно возможных вершин в изначально не расположенной к ним жизни.

Создавая «биографический миф» о Державине, Антокольский совершенно не упоминает о каком-то его «даре», «Божественной избранности» и прочих «романтических» вещах, ставших основой «державинского мифа» у Ходасевича, например. И если у того в книге о Державине присутствовал автобиографический элемент, связанный всё с тем же «путём святости» Поэта, то возможный автобиографизм новеллы Антокольского можно усмотреть как раз в авантюристичности «малого человека», выжившего и достигшего успеха в годы, когда это мало кому удавалось. Возможно, выбор сюжета был продиктован еще и известным и давним увлечением писателя эпохой Французской революции [17, 95].

---

¹ XVIII столетию посвящена и первая новелла из «Сказок Времени» – «Тетрадь в красном сафьяне». В стихотворениях и поэмах Антокольского исторические личности из этого века довольно частотны.

Фортуна же оказалась удобным образом-медиатором, который дал «поэту-романтику» [17, 95], склонному к эпическим обобщениям, пофантазировать, художественно поиграть с прозаической формой, её возможностями. Развлекательный характер сюжета отнюдь не стоит сбрасывать со счетов, и здесь потенциал жанра, прежде всего в романтическом его изводе, оказался неожиданно востребован советским писателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.

2. Абрамзон Т. Е. О «забавной» Фортуне в русской поэзии XVIII века // Юмор и сатира в координатах XXI века. Сб. науч. ст. по мат-лам I Междунар. научно-практ. конф. Варна: Център за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. С. 5–9.

3. Абрамзон Т. Е. Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 199–203.

4. Антокольский П. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Москва: Худож. лит., 1972. 536 с.

5. Ахмедова С. А. Образ счастья в стихотворениях «на случай» И. М. Долгорукова («На именины» княжны В. П. Волконской) // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2019. Материалы междунар. студенч. научно-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2019. С. 597–600.

6. Большой библейский словарь / под ред. Уолтера Элуэлла и Филипа Камфорта; [пер.: Рыбакова О. А.]. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005. 1503 с.

7. Горелова М. А. Творчество В. Ф. Ходасевича в культурной парадигме Серебряного века: «Державинский текст»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 24 с.

8. Гуреева С. Е. Своеобразие женских образов из сборника Н. В. Гоголя «Вечера На Хуторе Близ Диканьки» // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 114–121.

9. Державин Г. Р. Сочинения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Г. Н. Ионина. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. 712 с.

10. Драма Д. С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография / под ред. А.В. Петрова. Магнитогорск: ООО «ВГ Катран», 2017. 182 с.

11. Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812 / с лит. и ист. примеч. П. И. Бартенева. М.: В Типографии Александра Семена, 1860. 502 с.

12. Кирменева Г. Р. Специфика изображения пространства и времени в сказке А. Погорельского «Черная Курица, или подземные жители» // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов V междунар. молодеж. науч.-практ. конф.* Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2019. С. 192–198.

13. Ковпан В. Е. Образ роковой женщины в творчестве Григория Лепса // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф.* Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 298–303.

14. Латкина О. А. Образ ведьмы в произведениях Н. В. Гоголя // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф.* Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 163–166.

15. Левин Л. Чувство пути // Антокольский П. Г. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Сов. писатель, 1982. С. 5–48.

16. Объяснения на сочинения Державина. Санкт-Петербург: В типографии Александра Смирдина, 1834. 253 с.

17. Павловский А. И. Антокольский Павел Григорьевич // *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова.* Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. А–Ж. С. 94–96.

18. Петров А. В. Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д. С. Мережковского «Павел I» (проблема власти): дисс. ... канд. филол. наук. Москва: МПГУ, 1999. 257 с.

19. Петров А. В. Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 267 с.

20. Петров А. В. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М. В. Ломоносова «На новый 1762 год» // *Libri Magistri.* 2020. № 4 (14). С. 76–92.

21. Петров А. В. «Письмо к супругу в новый 1780 год» Г. Р. Державина и «Письмо Татьяны к Онегину» А. С. Пушкина // *Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань 11–13 декабря 2014 г.* Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. С. 105–108.

А. В. Петров

22. Петров А. В. Поэтика эпиталамических циклов Г. Р. Державина 1790-х годов // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 25–41.

23. Петров А. В. «Увы, я всего только старый Державин!»: миф о XVIII веке в книге стихов «Блистательный Санкт-Петербург» Н. Я. Агнивцева // Поэтика Г. Р. Державина и литературные диалоги: коллектив. моногр. / под ред. А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 114–120.

24. Петров А. В. Художественная историософия Г. Р. Державина // *Вестник МаГУ*. 2010. Вып. 12. С. 3–11.

25. Петров А. В., Ганиева М. Н. Два «Павла» // *Libri Magistri*. 2020. № 2 (12). С. 124–136.

26. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1. Санкт-Петербург: Изд-во П. П. Сойкина, 1912. 1120 стб.

27. Рудакова С. В., Регечи И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

28. Самолдина С. Р. Концепция счастья в лирике В. В. Капниста // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2014. Т. 20. № 5. С. 124–127.

29. <Снегирев И.> Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1–2. Москва: В Университетской Типографии, 1837–1838.

30. Сочинения Державина / с объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. Т. 1–9. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864–1883.

31. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине. Москва: Согласие, 1997. 592 с.

32. Цуркан В. В. Г. Адамович о художниках серебряного века // *Libri Magistri*. 2015. № 2. С. 110–114.

33. Черкасов В. А. Историко-биографическое творчество В. Ф. Ходасевича (концепция личности русских писателей XVIII–XIX веков): автореф. дисс. ... докт. филол. на ук. Москва, 2009. 42 с.

34. Шубинский В. И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. Москва: Молодая гвардия, 2012. 523 с.

35. Эмблемы и символы / вступ. ст. и коммент. А. Е. Махова. Москва: Интрада, 2000. 368 с.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj poezii XVIII–XIX vv.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.

2. Abramzon T. E. O «zabavnoj» Fortune v russkoj poezii XVIII

veka [About «amusing» Fortuna in the Russian poetry of the 18th century] // Yumor i satira v koordinatah XXI veka [Humour and satire in coordinates of the 21st century]. Sb. nauch. st. po mat-lam I Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Varna: Centr za nauchni izsledvaniya I informaciya «Paradigma», 2015. Pp. 5–9.

3. Abramzon T. E. Fortuna-chertovka i drugie bogini schast'ya v poezii N. L'vova [Fortuna-Besom and other goddesses of happiness in N. L'vov's poetry] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 2 (48). Pp. 199–203.

4. Antokol'sky P. G. Sobr. soch. [Collected works]: V 4 volt. Vol. 3. Moscow: Hudozh. lit., 1972. 536 p.

5. Ahmedova S. A. Obraz schast'ya v stihotvoreniiakh «na sluchaj» I. M. Dolgorukova («Na imyaniny» knyazhny V. P. Volkonskoj) [The image of happiness in occasional poems by I. M. Dolgorukov] // Student i nauka (gumanitarnyj tsykl) – 2019 [Student and Science (humanitarian cycle) - 2019]. Materialy mezhdunar. studench. nauchno-praktich. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2019. Pp. 597–600.

6. Bol'shoj biblejskij slovar' [Tyndale Bible Dictionary] / pod red. Uoltera Eluella i Filipa Kamforta; [per.: Rybakova O. A.]. St. Petersburg: Bibliya dlya vsekh, 2005. 1503 p.

7. Gorelova M. A. Tvorchestvo V. F. Hodasevicha v kul'turnoj paradigme Serebryanogo veka: «Derzhavinskij tekst» [The work of V. F. Khodasevich in the cultural paradigm of the Silver Age: «Derzhavin's text»]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006. 24 p.

8. Gureeva S. E. Svoeobrazie zhenskikh obrazov iz sbornika N. V. Gogolya «Vechera Na Hutore Bliz Dikan'ki» [The originality of female images from the collection of N. V. Gogol «Evenings On the Farm Near Dikanka»] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 114–121.

9. Derzhavin G. R. Sochineniya [Oeuvre] / Vstup. st., sost., podg. teksta i primech. G. N. Ionina. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2002. 712 p.

10. Drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I»: konteksty, interteksty, metateksty: kollektivnaya monografiya [Drama by D. S. Merezhkovsky «Paul I»: contexts, intertexts, metatexts: collective monograph] / pod red. A. V. Petrova. Magnitogorsk: OOO «VG Katran», 2017. 182 p.

11. Zapiski Gavriila Romanovicha Derzhavina [Notes by Gavriila Romanovich Derzhavin]. 1743–1812 / s lit. i ist. primech. P. I. Barteneva. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena, 1860. 502 p.

12. Kirmeneva G. R. Specifika izobrazheniya prostranstva i vremeni v skazke A. Pogorel'skogo «Chernaya Kurica, ili podzemnye zhiteli» [The specifics of the image of space and time in the tale of A. Pogorelsky «Black Chicken, or underground residents»] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov V mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2019. Pp. 192–198.

13. Kovpan V. E. Obraz rokovej zhenshchiny v tvorchestve Grigoriya Lepsa [The image of a fatal woman in the work of Grigory Leps] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 298–303.

14. Latkina O. A. Obraz ved'my v proizvedeniyah N. V. Gogolya [The image of a witch in the works of N. V. Gogol] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 163–166.

15. Levin L. Chuvstvo puti [Feeling the Way] // Antokol'sky P. G. Stihotvoreniya i poemy. Leningrad: Sov. pisatel', 1982. Pp. 5–48.

16. Ob'yasneniya na sochineniya Derzhavina [Explanations for Derzhavin's works]. St. Petersburg: V tipografii Aleksandra Smirdina, 1834. 253 p.

17. Pavlovsky A. I. Antokol'sky Pavel Grigor'evich // Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibl. slovar': v 3 t. / pod red. N. N. Skatova. Moscow: OLMA-PRESS Invest, 2005. T. 1. A–ZH. Pp. 94–96.

18. Petrov A. V. Istoricheskaya tradiciya russkoj literatury XIX veka i drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I» (problema vlasti) [The historical tradition of Russian literature of the 19th century and the drama of D. S. Merezhkovsky «Paul I» (the problem of power)]: diss. ... kand. filol. nauk. Moscow: MPGU, 1999. 257 p.

19. Petrov A. V. Novogodnyaya poeziya v Rossii: ot Trediakovskogo do Benediktova [New Year's poetry in Russia: from Trediakovsky to Benediktov]: Monografiya. Magnitogorsk: MaGU, 2009. 267 p.

20. Petrov A. V. Odicheskaya topika i tema «novogo schast'ya» v ode M. V. Lomonosova «Na novyj 1762 god» [Odic topoi and theme of “New Happiness” in the ode of M. V. Lomonosov “For new 1762”] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 76–92.

21. Petrov A. V. «Pis'mo k suprugu v novyj 1780 god» G. R. Derzhavina i «Pis'mo Tat'yany k Oneginu» A. S. Pushkina [«Letter

to a husband in the New year 1780» by G. R. Derzhavin and «Tatyana's Letter to Onegin» by A. S. Pushkin // G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur [G. R. Derzhavin and dialectics of cultures]: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kazan' 11–13 dekabrya 2014 g. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2014. Pp. 105–108.

22. Petrov A. V. Poetika epitalamicheskikh ciklov G. R. Derzhavina 1790-h godov [Poetics of the epithalamic cycles of G. R. Derzhavin in the 1790s] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 25–41.

23. Petrov A. V. «Uvy, ya vsego tol'ko staryj Derzhavin!»: mif o XVIII veke v knige stihov «Blistatel'nyj Sankt-Peterburg» N. Ya. Agnivceva [«Alas, I am only old Derzhavin!»: the myth about the 18th century in the book of verses «Brilliant St. Petersburg» of N. Ya. Agnivitsev] // Poetika G. R. Derzhavina i literaturnye dialogi: kolektiv. monogr. [G. R. Derzhavin's poetics and literary dialogues: collective monograph] / pod red. A. N. Pashkurova, A. F. Galimullinoy. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2017. Pp. 114–120.

24. Petrov A. V. Hudozhestvennaya istoriosofiya G. R. Derzhavina [Artistic historiosophy of G. R. Derzhavin] // Vestnik MaGU [MSU Bulletin]. 2010. Vyp. 12. Pp. 3–11.

25. Petrov A. V., Ganieva M. N. Dva «Pavla» [The two «Pavels»] // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). Pp. 124–136.

26. Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij enciklopedicheskij slovar' [Full Orthodox theological encyclopedic dictionary]. Tom 1. St. Petersburg: Izd-vo P. P. Sojkina, 1912. 1120 p.

27. Rudakova S. V., Regeci I. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of Happiness] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75.

28. Samoldina S. R. Konceptiya schast'ya v lirike V. V. Kapnisty [The concept of happiness in the lyrics of V. V. Kapnist] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2014. T. 20. № 5. Pp. 124–127.

29. <Snegirev I.> Ruskie prostonarodnye prazdniki i suevernye obryady [Russian common holidays and superstitious rites]. Vyp. 1–2. Moscow: V Universitetskoj Tipografii, 1837–1838.

30. Sochineniya Derzhavina [Works of Derzhavin] / s o'yasn. prim. [i predisl.] Ya. Grot. T. 1–9. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1864–1883.

31. Hodasevich V. F. Sobranie sochinenij [Collected works]: V 4 vol. Vol. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine. Moscow: Soglasie, 1997. 592 p.

32. Tsurkan V. V. G. Adamovich o hudozhnikah serebryanogo veka [G. Adamovich on Silver Age Artists] // Libri Magistri. 2015. № 2.

A. B. Петров

Pp. 110–114.

33. Cherkasov V. A. Istoriko-biograficheskoe tvorchestvo V. F. Khodasevicha (konceptsiya lichnosti russkikh pisatelej XVIII–XIX vekov) [Historical and biographical work of V. F. Khodasevich (concept of personality of Russian writers of the XVIII–XIX centuries)]: avtoref. diss. ... dokt. filol. na uk. Moscow, 2009. 42 p.

34. Shubinsky V. I. Vladislav Khodasevich: Chayushchij I govoryashchij [Vladislav Khodasevich: longing for and speaking]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. 523 p.

35. Emblemy i simvol'y [Emblems and symbols] / vstup. st. i komment. A. E. Mahova. Moscow: Intrada, 2000. 368 p.

BIOGRAPHICAL PHANTASMAGORIC NOVELLA
«IN MOSCOW ON MASLENITSA» BY P. G. ANTOKOLSKY:
«MYTH ABOUT DERZHAVIN» AND THE IMAGE
OF FORTUNE GODDESS

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,

Department of Linguistics and Literary,

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the post-romantic novella by the Soviet writer P. G. Antokolsky about one of the episodes in G. R. Derzhavin's life and the creation of his ode-satire «Na Schastie». According to the author's hypothesis, Antokolsky forms the «biographical myth» about the poet using: firstly, V. F. Khodasevich's concept in his book «Derzhavin»; secondly, the poetics of romantic fantastic novella genre; thirdly, his many years of experience in artistic and scientific comprehension of History, its laws, as well as events and personalities of the Russian and European XVIII century. A kind of symbol of this era becomes the Goddess of Happiness of Latin mythology – Fortune. In the fantastic plot of the novella, she «seduces» Derzhavin, appearing in the guise of a charming gypsy, takes him to a journey around the world and to the revolutionary Paris of 1789, to the house of the French playwright Beaumarchais as well, where Derzhavin confronts Emelian Pugachev. These three iconic personalities of the 18 century are united, in the concept of Antokolsky, by the love of Fortune for them. They are adventurers and plebeians, «small people» who, thanks to Chance and their own character, have achieved the possible heights in their lives. During the analysis the «metatext of Fortune» is reconstructed– the most

Derzhavin's and his correspondents revealing statements in correspondence of the «Moscow period» (November 1788 – June 1789) about happiness and misfortune; changes in human lives; the participation of Higher and earthly power; about the card game and money.

Keywords: P. G. Antokolsky, G. R. Derzhavin, ode «Na Schastie», Fortune, biographical myth, V. F. Khodasevich, novella, fantastic fiction

Для цитирования: Петров А. В. «Державинский миф» и образ богини Фортуны в биографической новелле-фантазмагории «В Москве на Масленой» П. Г. Антокольского // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 120–147.

Поступила в редакцию 25.01.2021